

18+

Василиса Селищева

*ПР
МАША К МЕЧТЕ*

Василиса Селищева

Три шага к мечте

Селищева В.

Три шага к мечте / В. Селищева —

Василисе выпадает шанс попасть на юбилейную смену легендарного лагеря «Артек» вместе со своим танцевальным коллективом. Лето, о котором она даже и мечтать не могла. Только вот коллектив, который она всегда считала семьёй, показывает совсем другую сторону, и кажется, что смена испорчена. Но всего один взгляд голубых глаз может всё изменить. Сможет ли Василиса преодолеть все препятствия? Станет ли этот взгляд чем-то большим? И сколько всё-таки ей предстоит сделать шагов на пути к своей мечте?

Содержание

Артек – место, где оживают мечты	6
Между мечтой и снегом	20
Пролог: Снег на ладонях	20
1 глава: Пустота и огни	22
2 глава: Следы на снегу	24
Москва. 27 декабря	24
Калуга. Тем же вечером	24
Москва. 29 декабря	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Три шага к мечте

Василиса Селищева

© Василиса Селищева, 2026

ISBN 978-5-0069-7116-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Артек – место, где оживают мечты

**Личный дневник в собственности самого ужасного человека на этой планете.
Не трогать!**

28 мая. Павелецкий вокзал. Поезд в Артек.

Поезд уходил поздно. Наш ансамбль «Задоринка» победил в конкурсе от знаменитого детского лагеря «Артек» и теперь мы едем на смену посвященную его 100-летию. Все суетились, провожали, фотографировались. Но у меня внутри было другое: не восторг, не страх, а надежда, что всё пройдет хорошо. Мне очень хотелось в это верить. Несмотря ни на что. В душе теплится затаенная мечта, что может эта смена станет чем-то важным.

Мы ехали двумя группами старшей и младшей. Моя была старшая. К младшим я всегда относилась тепло, ещё с тех времён, когда я играла их маму в танце поварят в далёком 2018 году. С тех пор, когда кто-то из них вспоминает об этом мне становится по-настоящему тепло. Такое чувство, как будто я у кого-то осталась в доброй памяти. Со своей группой всё сложнее. Есть Кира мы когда-то дружили, а теперь она меня ненавидит. В неё влюблён Максим и кажется, чтобы понравиться ей он решил начать не любить меня. Как будто это может сделать его ближе к ней. Есть Аня – подруга Киры. Она всегда была на нейтральной стороне, но оказывается всё не так просто, как кажется. Так же есть Юля, Рома и Саша. Формально мы «дружим». Но скорее дружат они, а я просто рядом. Запасной вариант, если некого позвать. Остальные в коллективе просто нейтральные. Ни хорошего ни плохого. Просто есть.

29 мая. Прибытие в Артек

Мы приехали поздно вечером, ближе к одиннадцати. Небо было уже тёмным, на улице пахло морем. Внутри не было усталости. Было чувство, будто сейчас всё начнётся. Нас встретила Алиса, наша вожатая. Она добрая, уверенная, настоящая, таких сразу видно. Мы сходили на ужин, получили форму. Нас отвели в наш корпус Незабудка, лагерь «Полевой». Название корпуса будто заранее знало, что я постараюсь не забыть ни одного дня этой смены. Я чувствовала, что это не просто корпус – это маленький мир полный возможностей и открытий.

Знакомство с вожатыми было одновременно волнительно и радостно. Каждый улыбался, словно понимая, что мы здесь впервые и хотел сделать этот момент особенным. Нас распределили по комнатам. Я попала в одну с Юлей и двумя девочками из ансамбля «Весёлые человечки» из Перми. Алиса довела нас до комнаты и уже почти уходя я спросила её есть ли в Артеке командиры отрядов. Она ответила, что есть дежурные командиры и советник игроцентра. Эта простая фраза успокоила и дала маленькую надежду быть замеченной. Словно всё устроено, словно у всего есть порядок, роли люди, которые знают что делают. Заселились мы уже за полночь. Все в корпусе спали.

30 мая. Первый день смены.

Проснулись рано. Надо было быть на «палубе» уже в 7:00. Я, Юля и девочки из Перми быстро собрались. Впервые увидели соседок: Сашу и Алёну. Они были из 15 отряда. Мы из 12-го. На «палубе» были все три вожатые: Алиса, Соня и Варя. Все замечательные. Нас поставили в круг. Сказали что сейчас мы выберем первого дежурного командира. И была кричалка:

«На небе слоники живут,
они до неба достают,
и поднимают хвостики,
раз-два-три – дежурным командиром будешь ТЫ!»

Рука остановилась на мне. И я не растерялась, я обрадовалась. Быть дежурным командиром в первый день, как будто знак. Мне объяснили что нужно делать, я внимательно слушала. Затем завтрак, отрядные дела, уголок отряда. Название предложила я «Первоцветы», девиз тоже. А Ксюша рисовала оформление стенгазеты. Получилось красиво.

День был насыщенным, но спокойным. Не случилось ничего огромного, но внутри было хорошо. Не счастье, а комфорт. Я впервые осознала, что это не просто лагерь, а целая жизнь, в которой каждый день имеет свой смысл, где маленькие решения и простые улыбки становятся частью большой истории. Я чувствовала себя на своём месте.

31 мая. Второй день смены.

Утро было обычным. Похожим на сотни других лагерных утр. Пробуждение в Незабудке, прохладный воздух из приоткрытого балкона, голоса ребят в коридоре. Но внутри всё ещё щемило лёгкое волнение. Это был только второй день и казалось что смена ещё не началась по-настоящему.

Перед завтраком мы узнали, что Даню из младшей группы положили в изолятор. Вроде бы ничего серьёзного, но всё равно стало немного тревожно.

После завтрака мы всем отрядом пошли в лагерь «Морской». Там проходило знакомство коллективов и организаторов смены. Это была непростая смена она называется «100 лет дорогой детства». А мы, участники приехали со всей страны. Разные ансамбли, разные города, разные судьбы, но одна сцена. Когда я впервые увидела всех этих ребят танцующих, поющих, улыбающихся почувствовала себя частью чего-то большего. Каждый коллектив, как семья. Я смотрела на лица других, ловила взгляды и думала «А вдруг кто-то из них изменит мою жизнь?»

После встречи с коллективами мы пошли в BOSCO, легендарный магазин внутри Артека. Многие ребята купили себе сувениры, одежду, значки. А я нет. Я решила, что если и покупать что-то, то в конце смены. Если эта смена окажется особенной, тогда и вещь будет с ней связана. Потом Варя рассказала нам легенду о скалах Адалары. Я слушала затаив дыхание. В её голосе было что-то, что заставляло верить, это не просто история, а часть живого сердца Крыма.

После обеда нам сообщили, что за 3—5 дней каждый отряд должен подготовить визитку. Это как представление, показать кто мы, откуда, с чем приехали. Я вместе с Юлей вызвалась отвечать за это. А остальные не особо и горели желанием. В этот момент это казалось важным, нужным, почётным. Я хотела, чтобы наш отряд запомнился. Хотела, чтобы получилось красиво.

А вечером состоялось торжественное открытие смены. На костровой, под светом прожекторов, повязали галстуки первым дежурным командирам каждого отряда. Мне тоже. Галстук как символ, как знак, что ты здесь по-настоящему. А потом была «массовка», артековская дискотека. Громкая музыка, шум голосов.

Если бы кто-то спросил каким был второй день смены, я бы не рассказала всего. Не вспомнила бы каждого шага. Я бы только сказала, что Артек маленькая вселенная, где каждое мгновение запоминается, где каждый человек становится частью общей истории.

1 июня. Третий день смены. День защиты детей.

С самого утра лагерь жил иначе. Было какое-то волнение лёгкое и острое, как шёлковый бантик на сердце. Праздник, выступление, солнце, жара и сотни девчонок с колосками на голове. Пока другие ещё сонно надевали форму, я уже стояла закручивая косы. Руки болели, но я не жаловалась. Просто никто больше не умел и кто-то же должен был взять это на себя, чтоб никого не подвести. Плести – это почти как заботиться. В спешке, на эмоциях, но искренне. Меня заплетали уже в автобусе. Одна девочка торопливо, неровно. Волосы запутались, тянуло. Но главное, чтобы все были готовы. В этот день почти тысяча человек, кол-

лективы со всей страны, должны впервые выступать вместе. На Дворцовой площади Артека. Каждый коллектив заранее выучил флешмоб «Движения первых». Нас выстроили так, чтобы мы образовали огромный флаг России и мы были белым цветом. 9 утра солнце уже не щадило. На головах ничего, голову печёт, пот стекает по спине. Казалось кадров будет пять максимум. Было десять, может одиннадцать. Но мы справились, как одна семья хотя ею по факту ещё не стали.

После выступления нас повезли на экскурсию по Южному берегу Крыма. Кто-то спал в автобусе, кто-то смотрел в окно, кто-то шептался. Там было интересно, но не настолько, чтобы остаться в сердце навсегда. Все, если честно, просто ждали возвращения обратно в лагерь, потому что именно там начиналась настоящая жизнь.

Вернувшись сразу окунулись в дела. С Юлей мы продолжили работать над визиткой отряда. Темой стал «День дружбы», ирония в чистом виде, потому что наш коллектив на дружный похож как лёд на пламя. Маска есть, а внутри совсем не тепло. Песню мы выбрали «Ромашка-Василёк». Когда-то прошлым летом эта песня ассоциировалась со мной и Ромой. Тогда всё было другим. Но я всё равно вложила в этот танец всю себя. Хотела, чтобы он стал настоящим, честным. Чтобы, несмотря на фальшивую дружбу, сцена стала правдой. Я поставила танец так, что по задумке должна была стоять в центре. Рома самый сильный танцор из ребят, я автор идеи. Всё логично. Ещё чуть-чуть и всё будет готово.

На полднике случилась ссора. Саша начал говорить, что Варя плохая вожатая. Он говорил так, что всё это коснулось лично меня. Я не выдержала, встала на защиту и меня пробило на слёзы. Он даже не понял, как сильно задел.

Вечером нас собрали на «солярии» (на третьем этаже корпуса). Алиса сообщила, что сегодня мы выберем советника игроцентра. Это важная роль. Связующее звено между отрядом и администрацией. Организация, помощь, идеи, ответственность. Кандидаты: я, Кира и два Артёма из младшей группы. Голосование было тайным. Я не верила, что выберут меня, сомневалась, боялась. И вдруг моё имя. Я была счастлива! Меня выбрали. Меня услышали.

Позже нас собрали снова. Учили отрядный круг, то чем будет заканчиваться каждый день в Артеке. Встали плечом к плечу, говорили вслух, напевно, в унисон, чуть замирая на словах:

«Слева друг и справа друг,
чуть качнется отрядный круг...
над морем ночь спускается – Артеку спать пора...»

И дальше – слова, словно объятия. Для мальчиков, девочек, вожатых, всех.

«...Смена стала днём короче – мы вас любим очень-очень.
Мы одна семья (о да)
Вместе навсегда (о-е).»

После этого никто уже не кричал, не бегал. Просто тишина звёзды и спать. До завтра.

2 июня. Четвёртый день смены.

День начался как приключение. Экскурсия в Севастополь, солнце автобус, лёгкий хруст соломки, где-то на задних сиденьях и предвкушение. Нам показали подземный Севастополь, убежище на случай ядерной войны. Жутко интересно, будто кадры из фильма, только вживую. Чувство, что время остановилось где-то в 80-х. Потом был ботанический сад. Цветы, таблички, тень от деревьев красиво, но тоскливо. Хотелось обратно в лагерь.

А вот по возвращении началось самое интересное. Время визитки. Через два дня выступать, а никто кроме меня и Юли, не знает танец. Я выхожу на площадку. Внутри как будто сцена и я одна перед пустым залом, но на деле передо мной отряд. Шумный, уставший. Я сказала, что в первой линии будут стоять: я с Ромой, Саша с Юлей и Кира с Максимом и добавила, что Аня должна встать во вторую линию. Она в ансамблевых номерах всегда танцует

с Ромой и несмотря на то что это был мой танец, который она не знала она не могла принять вторую роль, поэтому она заявила, что туда не встанет, потому что ей не нравится партнёр и она не хочет танцевать во второй линии. И вот Аня принципиально выходит из танца, за ней Кира и Максим. Пошли жаловаться вожатым. А я продолжила с теми кто остался. И получилось. Ребятам нравилось, у них горели глаза. А те трое учинили скандал. Шли к Соне, к Варе, искали справедливость. Но вот, что они знают о том как ставить танец с нуля? О том как держать ответственность за весь отряд? Оставалось надеяться что вожатые поймут. Что справедливость не в обидах, а в деле.

На «абсолюте» мы с Юлей не спали. Улеглись накрывшись до подбородка и перешли на шёпот. Рядом на подушке мой дневник, но сегодня всё сохраняется в живом разговоре.

– Ты помнишь концерт в Колонном зале, перед Артеком?

– Ага. Там был тот коллектив как их...

– «Русский узор».

– Вот-вот. Мамы в них сразу влюбились.

Мы обе тихонько засмеялись. Мамы тогда ещё шутили «когда приедете будете завоёвывать их». А ведь мы даже не знаем как они выглядят. Может уже и пересеклись с ними тут, а не поняли. Это были просто шуточки, но в каждой шутке есть доля правды. А иногда намёк на судьбу.

Вечером не происходило ничего особенного. Мы ели, что-то обсуждали, хлопали дверьми. Но внутри у меня сидело беспокойство. Что придумают вожатые? Не разнесут ли всё, что я создала? Дадут ли шанс или снова уступят тем, кто громче? С этими мыслями я и засыпала. Под холодным кондиционером с тенью танца в голове.

3 июня. Пятый день смены.

Утро прошло спокойно. Общеколлективная репетиция, подготовка к концерту ко Дню России. Нас задействовали лишь в одном номере, так что перед началом было время. Я шла с затаённой тревогой, утром вожатые сказали, что вопрос визитки теперь решает хореограф. Что-то внутри сжалось. Это ведь отрядный номер, а не ансамблевый. Во всех коллективах отрядные визитки ставят дети, а не педагоги. Но надежда теплилась маленькая, хрупкая.

Мы пришли на корпус «Вожатый», место репетиции. Рядом уже ходила Альбина Борисовна, хореограф. Она приехала раньше, специально, ради визитки. Мы отошли и начали ей показывать танец. Наш танец. Мой танец. Она говорила, что ей ничего не нравится, спрашивала, почему Аня не в первой линии. Слова были, как удары кулаком по сердцу. Рядом с ней Аня, сияющая будто победитель. Я стояла, пытаюсь не выдать боль. Она упрощала движения, убирала повороты, мощные связки, всё что делало танец зрелищным. Он стал пустым. Без искры. Без идеи. Но я оставалась в центре. Я пыталась найти хоть крошку света, потому что было грустно и обидно. Я боялась не за себя, а за то что вновь победят громкие и скандальные, а мои усилия просто сотрутся.

На репетиции общего номера под «Родина-мать» я чуть выдохнула. Снова флаг, только теперь синие. Хореография ставилась артековским педагогом и всё выглядело вдохновляюще. Сильные, синхронные, единые. Это был глоток воздуха.

Вечером Альбина Борисовна вернулась. На повестке номер к 16 июня. Артек-арена, день рождения Артека. Танец под «Россия, вперёд». Расстановка стандартная: Аня по центру с Ромой, я где-то в первой линии, но не в центре. Я уже привыкла, центр мне не светит. Но в глубине оставалась моя визитка, мой шанс. И вот она говорит встать на визитку. Внутри оборвалось что-то. Сердце пропустило удар. Мы встали. И она сказала мне с Аней поменяться местами. Слёзы подступили к горлу, но я сдержалась. Нельзя. Покажешь слабость и всё. Я стояла, камень вместо сердца. Танец она переделала, но оставила мой скелет. Оставила оболочку,

но выкинула душу. Это было даже обиднее, если бы изменила всё не было бы так больно. А теперь моя работа, но не моё исполнение. Как будто взяли и вытерли об меня ноги.

В этот вечер я поняла. В «Задоринке» справедливости нет. Есть громкие, скандальные и удобные. Те, кто рядом, кто работает, кто не пропускает ни одного выступления – их можно не замечать. Можно брать использовать и не благодарить. Я любила ансамбль. Я уважала Альбину Борисовну. Но хорошего отношения ко мне нет. Значит, и ансамбля нет.

После репетиции я ушла в комнату. Плакала долго. Тихо. Не истерично. Почему вожатые не могли сказать, «не хотите не участвуйте»? Почему уступили тем, кто не пришёл, не выучил, но кричал громче? Почему ещё и сценку доверили им? Почему не поблагодарили за работу, за старание?

С этого дня «Задоринка» для меня исчезла. А с ней и всё, что я любила.

4 июня. Шестой день смены.

Я проснулась, точнее, открыла глаза. Энтузиазма больше не было. Хотелось остаться под одеялом и забыть, что я в Артеке. Они испортили мне смену. Молодцы.

С утра репетиция с Альбиной Борисовной. Я танцевала как тень. Без эмоций, без сил, в полноги. Для меня теперь всё это пустой звук. Никаких надежд, никаких целей. Ни удовольствия, ни смысла. После репетиции она подошла ко мне. Сказала не брать на свой счет. Правда? Вот так просто? А мне стало легче от этого? Смешно. Пусть идёт и шепчет такие фразы своим любимчикам, кидает им комплименты, ставит по центру, заодно пусть учит танцевать, если получится.

Потом меня отвели на собрание советников. Оказалось, что вечером мы оцениваем визитки других отрядов. Свои нельзя. А какая разница? Я бы своим и так поставила ноль. Везде. По всем критериям.

Вечером мы пошли на «костровую Полевого», состоялся конкурс визиток. Мы, советники сидели в центре трибун, чтобы хорошо видеть. Рядом со мной сели советники 3 и 6 отрядов. Слева обычная девочка. Справа мальчик из шестого. Блондин, очень симпатичный. Интересно, откуда он? проскользнула мысль. Отряды выходили один за другим. Я смотрела, писала оценки. И вдруг заметила, что мальчик из шестого подсматривает в мой табель и копирует оценки. Честно, было забавно. Молча, ловко, будто невзначай. Потом выступал 6 отряд. И это было круто. День рождения Пушкина, но в формате современности. «Жизнь Пушкина в XXI веке». Идея, юмор, энергия, костюмы – всё в цель. А главное, всё ставили они сами, хореограф не вмешивался. Советник из их отряда (тот самый мальчик) тоже был в сценке, играл секунданта. И знаете что? Он был хорош. Очень. «Вот они крутые», подумала я. И поставила им единственным высший балл. Они того заслужили. А потом наша очередь. Белые платья у девочек, синие рубашки у мальчиков, это кстати тоже я придумала. Типа ромашки и васильки. Красиво ведь. Вышли на площадь. На моём лице наигранная улыбка, сама я, как ледяная кукла. Без ошибок, всё чётко. А вот у Ани куча косяков. Но ничего, в центре же, значит можно. Когда возвращалась на место заметила, что мальчик из 6-го заглядывает в мой табель, хочет узнать, что я поставила их отряду. Я оставила табель на месте, а он не поворачивая головы явно вчитывался. Его лицо говорило само за себя – ему оценки понравились. Ещё бы. И вдруг слышу, как советники обсуждают наше выступление

– А что за праздник-то был?..

– Чего-то не хватает...

– Вот тут бы вот это... – (они буквально называли то, что я изначально ставила, но это убрали).

– Слабенько. Не цепляет.

– А девочка по центру вообще умеет танцевать? Всё перепутала...

И это грело душу. Они сами виноваты. Плюнули мне в душу получили сырой и слабый номер. Мой вариант понравился бы больше.

Пока мы выступали, я не успела оценить 5 отряд. Повернулась к мальчику из 6-го и спросила, что он им поставил. Ответа не было. Он просто повернул табель, дал подсмотреть. Бессловесно, но по-своему заботливо. Чуть позже услышала, как одна девочка обратилась к нему по имени. Арсений. Так его зовут. Запомнила. Красивый, немного понравился. И всё же, если бы не Артек я бы никогда не услышала его имя и не увидела его впервые именно так, где всё по-настоящему.

Баллы подсчитали. Все разошлись. Я знала мы проиграли. И это радовало. Ничего не сказала своим. Пусть надеются, иногда надежда это самое жестокое.

5 июня. Седьмой день смены.

Ещё вчера я рассказала ребятам про Арсения. Сказали, что он из «Русского узора». Того самого. Сказала, что понравился, но лучше бы молчала. Рома, конечно, зацепился. Они наверное уже тогда хотели подшутить, но вчера пришли результаты ОГЭ по обществознанию. Четвёрка. Два балла и была бы пятёрка. Два. Маленьких. Злополучных. Балла. Я не выдержала. Прямо в столовой. Слезы. Это был пик. Всё, что я копила в себе последние дни. Боль, разочарование, обида, одиночество, всё вылилось в один момент. Я не умею быть слабой при других. Но тут не получилось скрыть. А оценки всегда были моей больной темой.

Сегодня уже вроде прошло. Ну, как они думают, что прошло. Раз вижу, значит можно шутить. Как только ребята замечали Арсения, Рома начинал кричать на всю столовую «Арсений, мальчик мой!». Не тихо, не громко, но так чтобы я сгорела со стыда, а он надеюсь не заметил. Саша, конечно, тоже отличился. Начал отпускать непристойные шуточки. Оригинально. Пять баллов. Аплодисменты.

Потом общеколлективная репетиция на корпусе «Вожатый». Сначала «Родина-мать». Потом что-то ещё. Нас и ещё несколько коллективов поставили в первую линию. Сказали, что учим танец на 13 июня, когда будем смотреть новый фильм «Артек. Сквозь столетия». Он только выйдет в прокат, а мы под финальную песню танцуем. Русский узор ставил хореографию. Они же и показывали. Вышли трое, растянулись по площади. Перед нами он. Арсений. Впервые я увидела его в танце. Чётко, мощно, красиво, легко. Лучше всех. Я смотрела и впервые за последние дни что-то почувствовала. Танец вошёл в меня, как глоток воздуха. Я тоже начала двигаться по-настоящему. На секунду снова стала живой.

После репетиции пошли к дереву желаний. Загадали, сфотографировались. Но у меня не было настроения. А смысл? ОГЭ – 4. В родном коллективе не ценят. Друзья смеются, но не понимают. Хореограф делает вид, что всё нормально.

Вечером я подошла к вожатым. Рассказала им всё, что угнетает меня последние дни. Они выслушали, не осудили и всеми силами постарались помочь. В этот момент я поняла, что все таки я тут не одна. Мне стало немного легче.

На закате был отрядный вечер. Нас повели на «морскую флотилию». Придумывали названия для комнат. Наша «Тайная комната», девиз: «Злой Василиск охраняет наш дом, феечкам, вход сюда воспрещён!». Это была отсылка к тому, что у мальчиков комната называется «феечки винкс» и им в нашу комнату нельзя. Потом игры на сближение. Сценки. Смеялись. Мне повезло ни Кира, ни Аня, не попали в мою группу. Только Ксюша, Федя (брат мой), Максим (из младшей) и Ника. Ставили сказку про Гадкого утенка, но с современным уклоном. И знаете в тот момент я поймала себя на мысли, что сейчас не так уж и плохо. Было по-человечески весело.

Потом отрядный круг. Тёплые слова. Пожелания. И спать. На подушку лицом. В груди пустота. А где-то глубоко внутри маленький, едва заметный светлячок. Впервые за всё это время мне захотелось завтра встать.

6 июня. Восьмой день смены.

Нам с Юлей стало интересно. Не просто так, а по делу. Она глаз положила на одного из «Русский узор», а мне всё не выходил из головы Арсений, поэтому мы пошли на разведку. Сначала ВКонтакте. Нашла его страницу. Закрыта. Ну конечно, как у всех загадочных. Потом страница Игната, того кто понравился Юле. Открыта! Победа разведки. Посмотрели его фото. Посмеялись. Оценили с профессиональной точки зрения. Остался «только пустяк» – познакомиться.

А дальше случилось неожиданное. Мой младший брат взял и познакомился с ними. С Арсением. С Игнатом. И ещё с парой кого-то из них. А потом добавил вишенку на торт. «Арсений сказал, что ты красивая.» Ну да. Я, конечно не поверила. Наверное брат врал, чтобы подбодрить. Мне кажется Арсений даже не обратил на меня внимания. Но всё равно приятно. Хоть чуть-чуть. Хоть воображаемо.

Днём пошли на почту Артека. Нам рассказали как заполнять письма. Было интересно, но многие беззастенчиво спали. Потом ещё порция шуточек и репетиция на артековской школе. Готовились к Дню рождения Артека. Наш номер «Россия, вперёд!». Выступаем сразу после «Русского узора». Вот это совпадение. Прямо как судьба не иначе. Было жарко, но сурприз хорошо. Главное Альбины Борисовны рядом не было. Свобода дышала полной грудью. А режиссёр Артека Софа оказалась супер! Адекватная, с юмором, понимающая. С ней даже солнце палит мягче.

Вечером смотрели фильм в вожатском холле. «Артек. Большое путешествие». И правда крутой фильм. Ожидания превзошёл. А потом выбор «звезды» Артека. Даже такие традиции здесь имели значение. Казалось, каждая роль, каждый конкурс – это возможность проявить себя и Артек давал шанс каждому. Кандидаты: я, Саша, Федя и ещё ребята из младшей группы. Саша вызвался не потому что может, а только, чтобы получить долю комплементов. Ну, а как же, он любит славу, а на чувства других ему всё равно. Артек не сказка – это реальность. Было тайное голосование. Выбрали Сашу. Хотя он даже не знает что такое эссе. А это будет первым заданием. Слово такое не из его словаря. Я сказала Варе, что он нас всех подведёт. Она сказала, что подумает, что можно сделать. Посидела с нами в комнате, поговорила. Не как вожатая, а как сестра. После -отбой. Но внутри меня снова зажегся внутренний огонёк. Интерес. Улыбка. И странное ощущение, что ещё ничего не закончено. Всё только начинается.

7 июня. Девятый день смены.

С утра снова репетиция у школы. Вернулись, пообедали и опять туда. День рождения Артека дело серьёзное, тут не до отдыха. После обеда Саша, как обычно внезапно активизировался. Подошёл к девочкам из «Калужского сувенира» и спросил, где Арсений. Я, наверное, никогда в жизни так быстро не бегала по лестнице. Просто, чтобы не слышать, не краснеть, не сторгать от стыда. Девочки ответили, что он уже у школы. И правда увидела его сразу. Танцует в тени красиво, плавно, будто вода течёт под музыку. Просто сидела и смотрела. Тихо украдкой. Потом Саша снова попытался подойти к девочкам их коллектива. Я остановила, сказала, что обижусь. Он завис. Хотел узнать для меня, где Арсений, только я это и без него знаю. Я указала рукой туда, где на ступеньках сидели мальчики из сувенира. Саша весело приободрился, но я уже не смеялась. Я просто смотрела на него. Не на Сашу. На него.

После – репетиция в «Морском». Концерт «Содружество Артек». Танцуем нашу «Калинку». И конечно, снова после «Русского узора». У них «Прекрасное далеко». Красиво. Очень. Вот бы увидеть их в костюмах. Финал флешмоб «Содружество», учили его задолго до Артека. Старый, знакомый, но теперь по-новому. С другим сердцем.

Вернувшись, Варя сказала написать эссе нам обоим. Лучшее выберут. Ход конём. Умно. Я села писать. Саша нет. Вместо этого запустил искусственный интеллект и интернет, как всегда. Не душой, а ради славы.

Потом ужин, костюмы и снова в «Морской», но уже на сам концерт. Сцена большая. Настоящая. Я смотрела на «Прекрасное далёко» затаив дыхание. Потом наша «Калинка». Я танцевала хорошо, чисто. Но улыбка была фальшивой. Середина танца. Скользящая сцена. Поворот, резкая боль, стопа подогнулась. Я ничего не показала. Дотанцевала. Сошла со сцены будто здорова. За кулисами поняла, что наступать невозможно. А впереди финал, а потом ещё пешком вверх по склонам в «Полевой». Класс. Но я вышла на финал. Сделала вид что всё нормально. Станцевала как могла. Как будто не болит. Привычка, опыт. Жаль только, что этого никто не замечает.

А вот путь обратно был непростой. Нога раздулась, боль усилилась. Я ковыляла, Варя шла рядом. Не могла помочь, но и не бросала. Сзади нас шёл коллектив «Балаганчик». Один из вожатых, Саша увидел и спросил, почему плетёмся. Варя объяснила. Он молча подошёл и посадил меня на спину. Пронёс половину пути. А когда начались особенно крутые участки, подозвал ещё мальчиков из своего отряда. Они вдвоём донесли меня до корпуса. Бесценно. Я бы их обняла, если б не стеснялась. В тот момент я почувствовала, что мне не обязательно всё делать самой.

На второй ужин я шла хромая, рядом Алиса. Я ей шептала, что мне стыдно за то, что он нёс меня, ведь я тяжёлая. Она, улыбаясь отвечала, что не нужно переживать об этом, ведь он сильный. В столовой, как всегда наша четвёрка я, Юля, Рома и Саша. Рома увидел Арсения. Крикнул свою коронную фразу, только в этот раз громче обычного. Арсений повернулся. Впервые! Я чуть не убила Рому. Юля и я под стол, Рома голову в руки, а Саша молчал. Возможно мы и правда были цирком. А потом Федя, сказав «смотрите как надо», пошёл к Арсению. Мы с Юлей спрятались ещё глубже. Мало ли, что он там делает. Вернулся. Просто пожал руку. Спасибо, конечно, что предупредил... «Калужский сувенир» уже собирался уходить. Я с подносом, всё так же хромая, прошла мимо. Боковым зрением увидела, как Арсений оторвался от разговора и посмотрел на меня. Проводил взглядом. Он заметил, а это уже что-то.

В медпункте дали мазь. Боль немного отступила. И вот теперь, я ложусь спать с одной мыслью. Я сделала всё, что могла. Даже если это никто не заметил. Даже если он не подошёл. Даже если я танцевала с болью, а потом ковыляла вверх и спряталась под стол от стыда. Я всё равно здесь. И я всё равно иду вперёд.

8—11 июня. 10—13 день смены.

Иногда кажется, что дни просто идут. Без всплесков. Без падений. Без откровений. Просто живёшь. Так прошли эти четыре дня репетиции, отрядные дела, ожидания. Нам как артистам смены редко получалось окунуться в полноценную жизнь лагеря, но все ждали именно этих дней. Без репетиций, без собраний, просто как обычные дети, приехавшие в лагерь. В такие дни смена наполнялась ещё большим смыслом.

Один день был посвящён спортивным стартам. С самого утра станции, задания, испытания. Бежишь, прыгаешь, отжимаешься. На одной станции неожиданно сказали спеть. Растерянность. Молчание. Я тихо предложила «Прекрасное далёко». Песня чистая. Простая. Но с ней теперь так много связано. Запели всем отрядом. Несмело, но вместе. И вдруг стало немного светлее. Как будто эта песня слышит меня.

Вечером были уже не просто станции, а соревнования «Артековские рекорды». С азартом, с шумом, с ребятами. Я поучаствовала в конкурсе «Краса, длинная коса». Коса моя гордость. Смеялись поддерживали и мне впервые за день стало по-настоящему весело.

В другой день меня позвали, как советника, оценивать отрядные уголки. Ходили по корпусам. Я искала взглядом его. Тоже же советник, должен был прийти. Но нет – на репетиции.

Он всегда на репетиции. Зашли в «Василёк», их корпус. Смотрю на угол – недоделанный. Все видно сразу, что не до этого им. И я понимаю что его рука к этому прикасалась. Пытаюсь как-то натянуть баллы. Придумываю поводы. Хоть что-то хорошее сделать для него, хоть через баллы. Но даже с натяжкой вышло 21 из 36. Смешно. Горько.

Дни сливаются. Репетиции, подготовки, построения. Финал близко и всё идёт на износ. Однажды репетиция на стадионе. Восемь утра. Жарко, сонно. Мы пришли сели и пока ждали, уснули прямо на месте. На траве, на сумках. Как будто земля под нами живая и мягкая. Как будто Артек, это сон который мы видим вместе.

Никаких событий. Никаких поворотов. А внутри шумит. Кажется все вокруг живут, а я просто жду. Жду, чтобы он посмотрел, сказал, улыбнулся, просто заметил. Но пока, я лишь девочка из другого коллектива, на заднем фоне его смены. С надеждой, которую никто не видит.

12 июня. Четырнадцатый день смены.

С утра линейка, посвящённая Дню России. Флаги, гимн, торжественность. Солнце уже печёт, но настроение светлое. Но я всё думала, что а вдруг сегодня бассейн с шестым отрядом? А вдруг вместе с ними? Нас водят по два отряда, а значит шанс есть. Но нет. Опять мимо. Бассейн не тот, не с теми. Словно с судьбой в прятки играем.

После «абсолют». Сидим в комнате гадаем на ребят, на кого выпадет, кто в кого влюбится. Тут же колоски, наши артековские конфеты вместо сладкой жизни. Жизнь странная штука. Сердце бьётся, а ничего не происходит.

Вечером концерт на стадионе. Флаг, песня «Родина-мать». И тут первая искренняя улыбка за долгое время. Не натянутая, не нарисованная, а настоящая. Просто танец, сцена, музыка. Что-то внутри дрогнуло и ожило. А потом общелагерная «массовка». И в какой-то момент я отключаюсь от всего. Отдаюсь движению, ритму себе. И не важно кто как смотрит. Не важно кто рядом. Я просто живу, дышу музыкой, смеюсь телом.

Поднимаю голову и вижу как они выступают. «Русский узор». И он в центре. Солист. Движения точные, чёткие, будто по нотам. Слаженность, уверенность, свет. И в этом что-то очень красивое, что-то от чего невозможно оторваться. Смотрю и не верю, что это не сон. Что вот он рядом, а я так далеко.

Мы с девчонками из «Антареса» делаем большой круг. Танцуем вместе. К концу вечера, песни у сцены. Грустные, нежные, почти прощальные. Многие плачут. Кто-то всхлипывает открыто, кто-то прячет лицо в воротнике. А я не плачу. И внутри странное чувство. Я что бессердечная? Почему всем так тяжело, а мне нет? Потом понимаю. Мне просто не повезло с коллективом. Поэтому и не грустно. Поэтому и не больно. Поэтому тишина внутри.

Но всё равно, где-то в глубине, сердце стучит по его имени. Пока незаметно. Пока только для меня.

13 июня. Пятнадцатый день смены.

Утро началось по-лагерному рано, как всегда. Мы только-только проснулись, а на улице уже жарко, как будто кто-то забыл убавить лето. Нас ждал сюрприз сегодня на линейке мы танцуем «Калинку» в честь дня рождения лагеря «Полевой». Я не ожидала, что буду этому так радоваться. Косички с прошлой «массовки» ещё держались, но сегодня я решила иначе. Наперекор канонам и всем «как надо» я сделала себе пучок из колосков. Что-то в этом было личное, нужное, будто я разрешила себе быть собой. Он получился особенно красивым. И пусть я отличалась от всех, мне было всё равно.

Пока мы стояли на линейке и слушали выступления, я ловила себя на мысли, что впервые за долгое время спокойно. Без суеты, без боли в ноге. Просто солнце, лёгкий ветерок и ощущение, будто всё на своём месте. В какой-то момент даже показалось, что Роман Борисович

грустен. Он сидел немного хмурый, как будто что-то тяжёлое лежало внутри. Но потом начался наш сюрприз.

Мы вышли танцевать. Всё тот же танец, на котором я совсем недавно подвернула ногу. Тогда сцена была скользкой, движения рваные, боль сдержанная. Сегодня другой день, другое настроение. Асфальт нашей костровой тёплый и устойчивый. Мы двигались чётко, без ошибок, но всё казалось механичным. До того самого момента. Переход, круг, смена рисунка танца. Я подняла глаза и увидела его. Голубые, почти небесные глаза, он смотрел прямо на меня. Впервые не я на него, а он на меня. И я не отвела взгляд. Не могла. Всё вдруг сместилось. В голове стихло, улыбка стала настоящей, движения живыми. Как будто я вдруг вспомнила, зачем танцую. Сцена длилась секунды, но от неё осталось тепло в груди. А ещё Роман Борисович встал и подпевал. И это согрело душу не меньше. Мы действительно подарили ему что-то важное.

После обеда был «абсолют», короткий сон, как глоток воздуха. А потом мы переоделись и направились на стадион смотреть фильм. Ветер был холодный. Сидеть без кофты на поле не самое приятное, но хореограф попросила снять – «не по костюму». Зато вожатые нам дали мороженое. И фильм оказался классным, настоящий про нас, про Артек, про что-то важное. Пока шли титры, хотелось, чтобы этот вечер не заканчивался.

А он и не заканчивался. Нас ждал флешмоб, тот самый, который ставил «Русский узор». Репетиций было мало, движения все помнили плохо, но всё как будто сложилось. В потоке, в ритме, в огнях стадиона. Все смотрели на них. А я на Арсения. Он двигался уверенно, чётко, как будто сцена его дом. Все остальные как фон. Мы танцевали и мне казалось, что я знаю движения лучше всех. Может так и было. Видео покажет. Я просто была там, в этом моменте. Живая. Настоящая.

А потом – ночь. Мы вернулись переоделись, расчесали волосы. Сон приходил медленно, как будто не хотел мешать. Но прежде чем лечь спать я вспомнила взгляд. Тот что встретил мой. И он грел сильнее любого плеча.

14—15 июня. 16—17 день смены.

Утро 14 июня началось как все предыдущие, только тише, будто смена уже чувствовала, что скоро конец. Мы знали – всё впереди: финальные репетиции, нервы, костюмы, жара.

Нас с утра отвели на Артек-Арену. Там постоянный прогон. Четвёртый блок в полном составе, толпа. Мы сидели часами на трибунах, смеялись, зевали, кто-то дремал, кто-то пил воду и жаловался на духоту. Шёл день как по маслу, без смысла, но с обязательным расписанием. И вдруг странное ощущение. В груди укол, желание посмотреть в сторону. Поднимаю глаза. Слева на трибунах «Русский узор». Их не было. Точно не было пять минут назад. Они появились внезапно, будто по команде судьбы. И он. Арсений. Уставшие голубые глаза. Настолько уставшие, что их усталость передалась мне. Последний раз, когда я видела его по-настоящему улыбающимся – 4 июня. С тех пор он, будто ушёл в себя. Репетиции, жара, нагрузки или что-то своё. Его взгляд скользнул по мне, как будто случайно. Мгновение. Меньше. Но достаточно. Он быстро отвёл глаза, а моё сердце нет. Оно отбилося о грудную клетку с такой силой, что чуть не остановилось.

15 июня – дождь сбивший жару и мысли. Всё наконец остывает, но всё становится ближе, громче, острее. Сегодня генеральная. Последняя репетиция. Единственная в костюмах.

Вечереет. Мы за кулисами. Всё как по нотам. Сначала Калужский, потом мы. Я стою и наблюдаю. Каждый раз, когда он танцует он будто уходит из мира. Он в движении, в музыке, в ритме. Он не фокусирует взгляд ни на ком. Это делает его неуязвимым. Но сегодня по-другому. Их номер начался и я снова смотрю. Сначала будто привычно, просто глаз не оторвать от рисунка, от темпа, от слаженности. Потом что-то меняется. Его глаза вдруг встречаются с моими. Прямо чётко. И пусть это лишь мгновение, я отвожу взгляд сразу. Но потом, когда

он уже прошёл вперёд и не мог видеть, я снова смотрю. На него. Только на него. За каждым движением, за каждым шагом.

Они уходят. По логике, должны переодеваться ведь скоро их второй номер. А Мы выходим с «Россией, вперёд!». Сапоги скользят, мальчики падают, но не останавливаются. Как жизнь в последние дни Артека сумбурно, шумно, до слёз красиво. Все из сувенира ушли переодеваться. А он остался. Стоял на том месте, где только что была я. Смотрел на сцену. Не знаю на кого именно. Но я знаю какая часть сцены видна с того угла. Очень хорошо знаю. И в этот момент мне не нужно знать наверняка. Просто знать, он не ушёл. Остался. Смотрел.

Мы уходим. Он тоже. Только каждый в своём ритме. Но теперь я точно знаю, что между нашими ритмами бывает пересечение. Бывают взгляды. И бывают дни после которых даже усталость кажется светлой.

16 июня. Восемнадцатый день смены.

Утро началось с шоколада настоящего, артековского. Маленький сладкий жест, но он будто обнял изнутри напомнив какой сегодня день. День рождения Артека. В воздухе чувствовался праздник, каждая деталь напоминала это не обычный день.

На линейке говорили громко, торжественно. Фотоаппараты щёлкали без остановки, улыбки были даже у тех, кто обычно хмурился. Потом нас ждал «абсолют», короткий почти символический, будто лагерь сам спешил нарядиться к вечернему концерту. А потом фотосессия. Сначала групповая, для каждого отряда. Потом к нашему счастью, персональная. Не у всех она была, но мы вошли в число избранных. Я старалась ловить момент, запоминать, запечатывать в себе себя такую, в Артеке, в этом моменте.

Весь день был как затяжное волнение перед чем-то большим, как вдох перед танцем. И вот, уже ближе к вечеру, мы сидим в корпусе, играем с ребятами в «Я хотя бы не...» громко, весело, немного глупо, как и положено лагерной игре. Но внутри всё вибрировало от ожидания. Сердце знало – сегодня что-то случится.

С Сашей мы выскользнули на «солярий» посмотреть. На Арене шла демосцена. Серебристые костюмы блистали в свете прожекторов, лица скрыты белыми масками. Но его было не спрятать ни маской, ни светом. Его движения, осанка, то как он держит руки, его светлые волосы – это был Арсений. Загадочный, нереальный. Как будто герой фильма. Я стояла и не могла оторвать взгляд. Даже не пыталась. Мне не надо было видеть лицо, чтобы узнать его.

И вот за кулисы. Время близилось. Номер сувенира перед нами. Они выходят. Я снова ловлю себя на том, что смотрю только на него. На каждый шаг, каждый поворот. Он погружён в танец полностью, до конца. Не смотрит в зал, не выхватывает глаза, он будто внутри себя. И всё равно я вижу. И снова этот взгляд. На долю секунды, но мы встречаемся глазами. И в этот раз я не отвожу. Зачем? Всё равно скоро уезжать. Пусть хоть этот момент будет честным. Мы смотрим друг на друга в шуме в свете в толпе. И этого взгляда хватило, чтобы сердце стукнуло сильнее. Рядом в кулисе стоял Рома. Он всё видел. И потом дразнил мягко, не обидно, даже с каким-то одобрением в голосе. Я поняла, это не просто симпатия, это то, что будет греть потом.

Наша очередь. Но внезапно подвох. Нас с Юлей не предупредили, что в конце танца нужно действовать иначе не юбками, а платками. Услышала случайно. Решила неважно. Пусть. Не первый раз. Ведь и раньше нас пытались обойти. Как например, 15 июня был день рождения у девочки, а нас даже не позвали, а потом выдали, что мы «не захотели». Смех, да и только. Пусть думают, что хотят. Мы выйдем и всё покажем. Танец прошёл идеально. Сильные, чёткие движения. В конце мы вдвоём с Юлей не как все. Не как «надо». А как чувствовали. И именно поэтому мы выглядели лучше всех. Нас не подставили. Мы выстояли.

Потом были браслеты. Светящиеся, нежные. Их надеваешь и чувствуешь как ты часть чего-то большего. Мы вышли на финал. Все зрители встали. Это было настоящее завершение.

Грандиозное. Магическое. Как сцена из фильма, где всё сошлось свет, музыка, чувства. Нам подарили артековскую розу. Она лежала в руке, как символ того что было. И что может быть больше не повторится. Потом второй ужин. И торт. Артековский, особенный. Такой же сладкий как утренний шоколад, только теперь с лёгкой горечью в сердце. Ведь всё подходит к концу.

Я шла по вечернему лагерю, вдыхая запах моря и южной травы, и знала этот день останется со мной. Его не украсть, не стереть, не переписать. Он мой. И его взгляд тоже. Этот день стал для меня символом того, как лагерь постепенно раскрывается как целый мир важный и незаменимый, который оставит след в сердце на всю жизнь.

17 июня. Девятнадцатый день смены.

С самого утра в воздухе витало что-то особенное. Не торжественное, не праздничное – прощальное. Как будто лагерь сам знал, что всё подходит к концу и сегодня нужно прожить медленно, с толком, с чувством.

Мы собрались на линейке, где каждый коллектив получил гран-при. Формально за участие в непростой смене, а на самом деле за выносливость, за нервы, за потоки пота на репетициях, за слёзы в подушку, за внутренние победы.

А потом были «ниточки дружбы». Казалось бы простая традиция, подходишь, говоришь добрые слова, вешаешь на шею тонкую нить. Но в этой простоте было всё, что накопилось за смену. Все были заняты, суетились, смеялись, вспоминали шутки. А я стояла напротив Алисы и не могла. Слова застряли в горле, только слёзы говорили за нас. Она единственный человек о ком я действительно плакала. Настояще. Без стыда. Алиса, которая поднимала меня, когда хотелось сдать. Которая шутила про Арсения и заставляла смеяться, когда внутри всё било тревогу. Она стала кем-то больше, чем просто вожатая. Я не знала как буду без неё. Мы обнялись и слёзы потекли по щекам. Обоих. И в тот момент тишина вокруг. Как будто только мы две остались в этом мире.

Дальше посвящение в артековцы. Аю-Даг отменили, но даже «Полевой» в этот вечер дышал так, что казалось горы слышат нас. Всё внутри замирало. Мы стояли в форме, читали клятву и я чувствовала как внутри что-то отпечатывается на всю жизнь. Как будто эта клятва не просто про лагерь, а про какую-то внутреннюю стойкость. Форму мы сдали сразу после. Было странно видеть себя в обычной одежде. Как будто сняли не ткань, а роль, в которую успел вжиться.

А потом мы шли к пристани, на теплоход. Перед нами 6 отряд. И он. Арсений. Я сразу заметила, что что-то не так. Выдохшийся. Уставший. Плечи опущены. Не то чтобы мрачный, просто словно внутри всё выгорело. Может перегруз. Может просто тоже понимает, что это конец. А потом, когда я сама сошла с теплохода с таким же лицом – поняла. Это не усталость. Это понимание, что скоро всё это станет воспоминанием.

Планировался бассейн, но почти никто не захотел. Мы собирали браслеты на вечер. Руки машинально делали своё дело, а мысли были где-то далеко, у сцены, у того взгляда, у Алисы у всех этих моментов, что больше не повторятся. Концерт прошёл как во сне. Почти такой же как вчера. Только что-то внутри уже изменилось. Уже не дрожали руки, не колотилось сердце. Уже не та магия. Мы с Юлей в этот раз танцевали платками, как все. Лучше бы юбками. Была в этом какая-то грустная ирония, как будто приняли правила, когда уже не имело значения.

Поздно вечером, вернувшись в корпус, мы получили подарки. Мне грамота за второе место в конкурсе «Краса, длинная коса». Приятно. Отряд как и ожидалось проиграл визитки. И честно, это даже радовало. В какой-то детской части души небольшая справедливость.

Потом свет выключили. Кто-то шептался, кто-то молчал. А я лежала в темноте, глядя в потолок, и не могла уснуть. Завтра день отъезда. Мы все знали. И всё же сердце не верит. Не отпускает. Как узел на нитке крепко. Навсегда.

18 июня. День отъезда.

Всё закончилось, но ещё никто не уехал. В этом какая-то странная пауза, как после финального аккорда, когда музыка затихла, но эхо всё ещё держится в груди. Все собирались, суетились, таскали чемоданы, обнимались, смеялись и плакали вперемешку. Я узнала, что «Русский узор» уезжает в 19:00, а мы в 22:00. Это значило только одно – шанс был. Последний. Они ещё целый день здесь.

Обед. У нас была добрая традиция желать приятного аппетита другим отрядам. Но «Русскому узору» не желали ни разу. Они всегда были отдельно. Репетиции, сцена, свой круг. Словно стена из занятости. Но сегодня мы наконец совпали. Я тихо наклонилась к своим и сказала, что сегодня желаем и сувениру тоже. Они сидели уже за столами, ждали оставшихся. А мы как раз уходили. И вот «Русскому узору приятного аппетита!». Сначала молчание. Потом один за другим они начали поворачиваться, слегка отклоняться назад, глядя кто вообще это сказал. Было даже смешно, они будто не ожидали, что эта маленькая традиция, именно этой смены, коснётся и их. И вдруг «Спа-си-бо!» прозвучало вразнобой. И только один из них сказал в ответ «Задоринке приятного вечера». Один из всех. Но этого было достаточно, чтобы запомнить. Улыбнуться.

Потом чемоданы сборы суматоха. Кто-то уезжал прямо сейчас. Мои девочки из «Весёлых человечков» собирались, мы попрощались. В комнате стало резко пусто. Холодно. Пришла Алиса. Я вдруг сказала, что очень жаль, что я не могу повязать Арсению нитку дружбы. Она, ни секунды не думая, предложила сделать ему браслет. И повязать ему на руку. Я взяла три нитки: голубую, как его глаза; красную и зеленую, как его костюм. Сплела. Не спеша. Как будто заплетала в него вс, ё что не сказала. Собрала вещи. Всё становилось слишком реальным.

Ужин. Мы пришли гораздо позже них. Они уже вставали. Я сидела, шутила с ребятами и вдруг, будто по какому-то внутреннему зову, почувствовала его взгляд. Он спускался по лестнице. Поднял глаза. Прямо на меня. Это не случайность. Я знаю, каково это искать глазами кого-то, выходя из столовой. Очень часто сама так делала. Он искал. И возможно нашёл. Последний взгляд. Последнее касание без слов. И всё.

Когда мы возвращались с ужина их вещи уже стояли у корпуса, но самих не было. Я очень хотела подойти и положить браслет ему в сумку. Они ведь именные. Но мой путь с вожатыми не совпал. Последний шанс ушёл. Просто тихо. Я вернулась в комнату и повязала этот браслет на себя. На память о нём. О взгляде. О сцене. О том, чего не было, но всё равно останется.

Мы вынесли чемоданы на первый этаж и пошли на третий. Последний отрядный вечер. Всё было тихо. 19:05 – они уехали. Я смотрела на часы и знала, что это конец. Всё. Сидели. Говорили «спасибо» друг другу. Обнимались. Каждому повязали жёлтый браслет. Память о вожатых. И я знала я буду помнить. Всех. И особенно его. Быстро всё: прощания, круг, фото, вещи, автобус, вокзал.

Артек – это место, которое невозможно забыть. Несмотря на то, что первые дни для меня были непростыми и первые впечатления смешивались с болью и тревогой, я уезжаю счастливой. Мне безумно хочется вернуться, чтобы снова ощутить эту магию, которая делает Артек уникальным.

01:25 поезд. Поехали домой. Но сердце не село в поезд. Осталось там, где-то между «Незабудкой» и «Васильком». В глазах свет от сцены. В ушах голос Алисы, смешки друзей. А в груди пустота. Как будто уехала не я, а жизнь.

Хотелось сказать «спасибо» Артеку за всё, что он подарил. За смех и песни, за новые знакомства, без которых я уже не представляю себя, за сцены, где я была по-настоящему жива. За те случайные взгляды, которые вдруг стали важнее слов. Здесь каждый день складывался в историю, которой больше нигде не могло бы быть. И даже то, что осталось несказанным – стало бесценным. Всё вместе сложилось в картину, которая будет жить во мне, напоминать, что я была там, где сердце билось особенно сильно.

А ночью мне приснился он. С тёплой улыбкой. С теми же светлыми кудряшками и голубыми глазами. Проснулась в 5 утра и тихо заплакала.

По Артеку. По вожатым. **По нему.**

Между мечтой и снегом

*«Бывают закрыты двери, не пройдены нами пути. Я прошу вас
в мечты ваши верить, мечтайте, вы не одни.»*

Ваня Дмитриенко

Пролог: Снег на ладонях

Москва медленно засыпала под снегом. Белые хлопья ложились на крыши домов, на припаркованные машины, на старые лавочки, будто кто-то тихо и бережно укрывал город пушистым одеялом. На улицах звенели гирлянды – хрустальный свет отражался в витринах магазинов, где манекены уже стояли в новогодних костюмах. Из кофейни на углу тянулся запах корицы, ванили и свежесваренного капучино – уютный, почти домашний. Люди спешили по делам: кто – с пакетами подарков, кто – с ёлкой, кто – с детьми на санках. Город жил ожиданием чуда, готовился к празднику, будто снова верил, что в эту зиму всё будет хорошо. А Василиса – нет.

Она стояла у окна своей комнаты, прислонившись лбом к холодному стеклу, и смотрела, как снежинки медленно опускаются вниз, кружатся в свете фонаря и исчезают, едва коснувшись подоконника. На стекле отражалось её лицо – уставшее, с бледной кожей и тенью под глазами. Когда-то глаза у неё сияли, как два зелёных огонька, теперь же в них будто потух свет. Улыбка, тонкая и неуверенная, жила где-то на автомате, как маска, ставшая привычной.

За дверью слышались голоса. На кухне хлопотала мама – звенела посуда, пахло запеканкой и мандаринами. Смех брата доносился из гостиной, где он, видимо, снова включил музыку на всю громкость и пританцовывал, пока мама ворчала вполголоса. В любой другой вечер Василиса пошла бы туда – подшучивать над ним, развесить игрушки на ёлке, помочь маме с гирляндой. Ей нравилось, когда всё было шумно, живо, когда дом наполнялся теплом и запахом праздника. Но сегодня – не получалось. Праздник внутри неё давно умер.

Она медленно опустила на подоконник, подтянула колени к груди и обхватила их руками. Телефон на столе мигнул уведомлением – новое сообщение в чате ансамбля. Василиса машинально взяла его, пролистав ленту: репетиции, планы, кто что будет танцевать на новогоднем концерте. Всё то же. Всё привычно. Всё будто бы хорошо. Она не читала дальше. Когда-то подобные сообщения вызывали у неё азарт, хотелось репетировать до ночи, доводить движения до совершенства, спорить с хореографом, доказывать, что она может лучше. Она жила танцем. А теперь... теперь просто выполняла. Словно кто-то выключил внутри неё свет. Все говорили – «молодец», «упорная», «всегда с улыбкой». Никто не видел, как по вечерам она сидела вот так – в темноте, с телефоном в руке, глядя в никуда. Сил не было. Ни физически, ни морально. Она всё делала, всё успевала, но каждый день давался через усилие. Словно кто-то сжал внутри пружину, и она вот-вот лопнет.

Снег за окном стал гуще, плотнее. Улица за стеклом потускнела, фонари окутал мягкий белый туман. Василиса прислушалась к себе. Иногда ей казалось, что выгорание имеет запах. Тонкий, едва уловимый – как дождь после пожара. Когда воздух кажется чистым, но в нём витает что-то обожжённое, что-то, чего уже не вернуть. Она вдохнула глубже, провела пальцем по стеклу, оставив на нём след. Маленький круг – словно символ того, что ещё можно дышать. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, тихая, почти несмелая: «А ведь когда-то этот снег был для меня волшебным». Когда-то она выбегала во двор, подставляя ладони небу, смеялась, кружилась под снегопадом, пока мама не звала домой. Тогда всё казалось простым – даже холод

не чувствовался. В каждом хлопке ладоней – восторг, в каждом шаге – мечта. Но то время ушло. Всё изменилось. Пять месяцев назад.

С того дня, как они виделись в последний раз. Имя она больше не произносила. Уже не нужно. Оно и так звучало в голове слишком часто – в музыке, в снах, в каждом взгляде случайного прохожего, похожего на него издали. Прошло полгода. А боль не ушла. Просто стала тише, глубже, привычнее. Как шрам – уже не кровоточит, но всё равно чувствуешь его под кожей. И где-то там, в глубине, Василиса всё ещё надеялась, что однажды этот снег снова станет волшебным. Таким же, каким было для нее это лето. Только, наверное, для этого нужно другое время. Другие люди. Другие обстоятельства, и чтобы снег снова стал тёплым, как в детстве, – нужно чудо, которого уже не случится.

1 глава: Пустота и огни

Последняя неделя декабря всегда была самой суматошной. Город жил в предновогодней суете: снег валил хлопьями, прохожие спешили с ёлками, на каждом углу продавали мандарины и мишуру, а в домах культуры пахло сценической пудрой, лаком для волос и старым бархатом кулис. Для кого-то это было весёлое время ожидания, для Василисы – бесконечный круговорот: школа, репетиции, выступления, костюмы, улыбки.

Репетиции шли одна за другой. Утром – контрольные, тесты, обязательный проект, от которого сделано меньше половины. Вечером – танцевальный зал, гул шагов, ритм хлопков, голос хореографа:

– Выше колени! В унисон! Василиса, опять торопишься! Можешь лучше!

Она кивала. Всегда кивает. Даже когда внутри хочется просто остановиться. После репетиции домой, когда город уже засыпает. Часы показывают десять, в ушах звенит от музыки и усталости. Дома: ужин, душ, домашка. Лечь спать до полуночи – роскошь. Но даже если ложилась раньше, сон всё равно не приходил. Мозг бежал дальше – сцена, свет, движения, чьи-то слова, недовольный взгляд хореографа, очередное «надо».

И всё равно она улыбалась. Как на сцене – всегда. Василиса умела выглядеть счастливой. Её улыбка будто была частью костюма – такой же обязательной, как кокошник или ленты на пучке. Она сияла, будто в душе горел тот самый праздничный огонь, которым живут артисты. Люди смотрели и думали: «вот она – настоящая звезда». А она просто играла роль. И лишь когда закрывалась дверь её комнаты, когда за стеной стихали шаги, она падала на кровать, закрывала глаза и лежала в полной тишине. Без мыслей. Без чувств. Просто пустота, как сцена после концерта, где уже погас свет и только медленно опускается занавес.

Однажды мама заглянула.

– Тебе не скучно быть всё время одной? Пошла бы, хоть с ребятами прогулялась – спросила она, опираясь на косяк двери.

Василиса улыбнулась, не поднимая головы:

– Нет, мам, просто отдыхаю.

На самом деле отдыхала не от одиночества, а от людей. От ожиданий, от бесконечных «давай ещё раз», от фраз «ты же можешь, ты же сильная». Она может. Только уже не хочет. Не сейчас.

В коридоре висели яркие афиши: «Новогодний фестиваль хореографических коллективов. Москва, 29—31 декабря». Каждое утро она проходила мимо и ловила себя на том, что не чувствует ничего. Ни радости, ни волнения, ни привычного трепета перед выступлением. Просто дата, просто очередной пункт в списке. Раньше этот фестиваль был её любимым событием года. Тогда в душе звенел азарт, хотелось блистать, танцевать до изнеможения, смеяться с девочками из ансамбля в гримёрке. А теперь – будто это всё про кого-то другого.

Иногда она ловила себя на воспоминаниях. Как когда-то, год назад, стояла у окна с кружкой какао, глядя на звёзды, и шептала своё новогоднее желание: «Пусть я встречу кого-то, кто зажжёт во мне огонь». И ведь встретила. В Артеке. Только чудеса, оказывается, умеют исчезать. Быстро, как искры после фейерверка.

На следующий день после одного из концертов она возвращалась домой поздно вечером. Мороз щипал щеки, снег падал крупными хлопьями, воздух пах железом и зимней свежестью. Где-то вдалеке звенел трамвай, гулко и одиноко. Василиса шла медленно, зажав руки в карманах пальто, глядя под ноги. И вдруг услышала смех. Звонкий, но будто до боли знакомый. Сердце дрогнуло, на миг показалось, что это он. Она резко обернулась. Но за спиной – лишь

группа ребят, лепящих снеговика под фонарём. Снег сыпался им на шапки, смех перекатывался по улице. Василиса выдохнула и усмехнулась:

– Сошла с ума. Совсем, – прошептала, утирая слезу, будто случайно попавшую от мороза. А завтра снова вставать в шесть. И снова улыбаться. Потому что слабость – роскошь, которой нельзя позволить себе.

Дома пахло картошкой и жареным луком. Мама суетилась у плиты, переставляла тарелки, брат что-то напевал себе под нос.

– Ну что, у вас там перед Новым годом опять фестиваль? – спросила мама, наливая чай.

– Ага, – коротко ответила Василиса, ковыряя вилкой салат.

– В прошлом году же первое место взяли, – добавила она с улыбкой. – Вот бы и в этом повторить!

– Ага, – снова то же слово.

Брат поднял голову от тарелки:

– Ты какая-то уставшая, – сказал он с набитым ртом. – Может, день отдохнёшь?

– Всё нормально, – Василиса подняла глаза, натянула ту самую улыбку, которую репетировала всю жизнь.

– Точно? – в голосе матери было беспокойство.

– Конечно. Просто устала немного. Завтра выплусь.

Она знала, что не выспится. Что утром снова будет репетиция, потом примерка костюмов, потом домашка. Но слово «устала» в их доме звучало как оправдание. А оправдываться она не умела. Мама привыкла видеть её сильной, собранной, дисциплинированной – такой, какой должна быть старшая дочь.

– Василис, – сказал брат, жуя котлету, – а ты письмо Деду Морозу писать будешь?

Она улыбнулась, чуть печально.

– Уже поздно.

– Почему? – удивился он, искренне, по-детски.

– Потому что иногда он не успевает, – ответила она тихо, опуская глаза.

Он нахмурился, но промолчал. А она взяла чашку, сделала глоток горячего чая. От пара защипало глаза. Никакой грусти. Никакой усталости. Всё хорошо. Ты справишься. Просто ещё чуть-чуть. Ещё один концерт. Ещё один день. Ещё чуть-чуть и Новый год.

2 глава: Следы на снегу

Москва. 27 декабря

День был из тех, что будто растягиваются, как холодная жвачка времени. Вроде утро уже давно позади, но стрелки часов будто застыли где-то между четырьмя и пятью. Воздух стоял плотный, зимний, как будто сам снег придавил небо. Василиса стояла у окна, глядя, как снежинки медленно и упрямо ложатся ровными слоями на подоконник. Белые крошки плыли в свете гирлянд, будто крошечные искры чего-то забытого. Внизу жизнь кипела: машины сигналили, люди спешили – с ёлками, с пакетами, с искренне счастливыми лицами. У каждого – свои дела, свои планы, свой праздник. А у неё внутри – тишина. Та, что не зовёт к покою, а гулякая, как пустая сцена после спектакля, когда аплодисменты уже стихли, а свет ещё горит.

Телефон звякнул, коротко и буднично:

«Напоминаем! Завтра сбор у КЦ в 8:00. Едем на фестиваль!»

Сердце почему-то сжалось. Раньше бы она подпрыгнула от радости, уже складывала бы костюмы, проверяла резинки для волос, бант, платочек и прочий реквизит, сейчас – просто выдох. Она любила эти поездки. Обеды в автобусе, смех, репетиции в чужих залах, запах лака в гримёрках, мгновения перед выходом на сцену, когда сердце колотится так, что кажется – его слышно всем. Любила раньше. А сейчас... Сейчас хотелось просто остаться дома. Чтобы всё замерло. Чтобы никто не писал, не звал, не требовал. Чтобы можно было просто сидеть у окна и молчать. Чтобы отпустило.

В зеркале напротив отражалась девочка: уставшая, в светлом свитере, с длинной косой, небрежно спущенной на плечо. Под глазами – лёгкие тени, в уголках губ – след от выученной улыбки. Василиса посмотрела на своё отражение, будто на чужую. И тихо, почти неслышно прошептала:

– Всё хорошо. Просто устала.

Слова растворились в воздухе, как пар от дыхания. И в ту секунду она не поверила сама себе.

Калуга. Тем же вечером

В раздевалке «Русского узора» стоял привычный шум, как на ярмарке. Смеялись, спорили, перекидывались шутками, кто-то крутил бутылку воды на полу, кто-то репетировал движение перед зеркалом. В воздухе витал запах лака и пота, смешанный с запахом сцены: тёплый, пыльный, родной.

Арсений сидел в углу, прислонившись к стене, завязывал шнурки на джазовках и молчал. Его кудри чуть трепала легкий сквозняк, но он не обращал внимания.

– Эй, ты чего кислый? – крикнул кто-то из ребят, смеясь. – Опять Соня мозги вынесла?

– Отстань, – коротко бросил он, без злости. Просто не хотелось говорить.

Через пару минут в дверях появилась Соня – красивая, аккуратная, будто из журнала. В её движениях всё было выверено: от того, как она поправила резинку на волосах, до того, как взглянула на Арсения.

– Ты костюм проверил? – спросила сухо, не глядя прямо.

– Да, – он поднялся, отряхнул джинсы. – Всё нормально.

– «Нормально» – это не ответ, – отрезала она, подойдя к зеркалу, и начала поправлять стрелки на глазах.

Он сдержал вздох. Когда-то ему нравилось в ней это – уверенность, точность, организованность. Она была как сцена – блестящая, предсказуемая, понятная. А теперь – утомляла. Соня говорила о конкурсах, о костюмах, о распределении номеров. Голос её был чёткий, уверенный, но слова проходили мимо. Он слушал – но не слышал.

В эти моменты, где-то глубоко в памяти всплывали другие глаза. Зелёные, чуть удивлённые, тёплые, живые. Глаза, которые смотрели на него с такой силой, будто знали больше, чем он сам. С тех пор прошло пять месяцев. Полгода почти. Но память упрямо держала их. Он не говорил об этом никому. Даже себе.

– Эй, ребят, – крикнула Наталья Ивановна, хореограф, – через два дня выезд на фестиваль! Проверьте вещи, поедem на 4 дня!

Раздался гул, кто-то свистнул, кто-то радостно подпрыгнул. А кто-то, наоборот, застонал – мол, мало каникул. Арсений просто кивнул. Новый год. Фестиваль. Все как всегда. Ничего нового и интересного.

Москва. 29 декабря

Утро началось с привычной суеты. На кухне пахло кофе, хлебом и утюгом – мама гладила костюмы, проверяя каждую ленту, каждую пуговицу.

– Василиса, не забудь туфли и сапожки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.